

СТРУКТУРНЫЕ ЭФФЕКТЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

А. А. Мигранян

Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия

В статье исследован процесс формирования евразийской интеграции, показан характер воздействия интеграционных процессов на экономическое состояние стран-участниц. Евразийские интеграционные процессы с момента создания Таможенного союза и до его реформирования в Евразийский экономический союз, а также сформировавшийся общий рынок товаров и услуг оказывали прямое влияние на состояние и динамику основных макроэкономических показателей государств-участников. Общее экономическое пространство обусловило быструю передачу макроэкономических эффектов, что позволяет рассматривать ЕАЭС как мощный фактор макроэкономической стабилизации в период экономических спадов. При этом ожидания положительных эффектов от функционирования ЕАЭС оправдались только на начальных стадиях формирования общего товарного рынка за счет эффекта либерализации торговли. Структура и география товарных потоков в ЕАЭС развивалась инерционно, что обусловлено отраслевой структурой национальных экономик государств – участников Союза. Торговое взаимодействие стран, входящих в состав интеграционного блока, характеризуется моноцентричностью и более высоким уровнем дифференциации, что позволяет компенсировать часть потерь при снижении интенсивности внешней торговли и стимулировать развитие реального сектора. Инвестиционное сотрудничество в ЕАЭС ограничено традиционными отраслями сырьевого сектора и финансированием торговых операций. Нарастание синергетических эффектов между странами ЕАЭС имеет экстенсивную природу, в то время как необходим переход к стратегии интенсификации посредством формирования платформ производственной кооперации.

Ключевые слова: макроэкономические эффекты интеграции, отраслевая структура валового продукта, взаимная торговля, структура потребления и производства ВВП, товарная и географическая структура экспорта и импорта, взаимные и прямые инвестиции.

STRUCTURAL EFFECTS OF EURASIAN INTEGRATION

Azganush A. Migranyan

Institute of Economics of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

The article analyzes the achievements, stages of the formation of Eurasian integration and shows the nature of the impact of integration processes on the economic situation of the participating countries. Eurasian integration processes from the moment of the creation of the Customs Union and before its reformatting into the Eurasian Economic Union and the common market of goods and services had a direct impact on the state and dynamics of the main macroeconomic indicators of the member states. The common economic space has led to the rapid transfer of macroeconomic effects, which makes it possible to consider the EAEU as a powerful factor in macroeconomic stabilization during crisis recessions. At the same time, the expectations of positive effects from the functioning of the EAEU were justified only in the initial stages of the

formation of a common commodity market due to the effect of trade liberalization. The structure and geography of commodity flows in the EAEU developed inertia, due to the sectoral structure of the national economies of the Union member states. The trade interaction of the countries that make up the integration block is characterized by monocentricity and a higher level of differentiation, which makes it possible to compensate part of the losses while lowering the intensity of foreign trade to stimulate the development of the real sector. Investment cooperation in the EAEU is limited to traditional sectors of the commodity sector and trade finance. The buildup of synergistic effects between the countries of the EAEU has an extensive nature, while a transition to an intensification strategy is needed through the formation of production cooperation platform.

Keywords: macroeconomic effects of integration, sectoral structure of gross product, mutual trade, structure of consumption and production of GDP, commodity and geographical structure of exports and imports, mutual and direct investments.

Евразийский экономический союз за время своего функционирования демонстрирует высокие темпы развития и углубления интеграционных отношений между странами, быстрые темпы расширения интеграционного блока посредством включения в него новых членов (Армении и Киргизии). Растет привлекательность ЕАЭС как платформы расширения регионального торгового сотрудничества со странами вне интеграционного блока, о чем свидетельствуют подписанные соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве с другими странами в формате ЗСТ+ (зоны свободной торговли)¹.

Оценивая влияние ЕАЭС на страны, входящие в него, следует подчеркнуть, что наиболее сложный период становления интеграционного блока совпал с кризисным спадом экономики России. В период кризисного спада 2013–2014 гг. ЕАЭС выступал в качестве стабилизатора [7], смягчающего экономические потери, и драйвером роста в 2015–2018 гг.

В прогнозных расчетах Евразийской экономической комиссии на момент подписания союзного Договора за счет положительного эффекта влияния интеграционной синергии предполагалось к 2030 г. достичь роста по таким показателям, как ВВП, до уровня 210 млрд долларов (13% прироста по совокупности для всех стран-участниц), эффект накопленных инвестиций – до 90 млрд долларов, прирост ненефтегазового сектора – на 11,6% и взаимного торгового оборота – на 80% [15. – С. 51].

Цели интеграционного проекта ЕАЭС полностью соответствуют целям устойчивого развития стран ООН, а динамика их достижений свидетельствует о том, что евразийская интеграция может стать заметным

¹ Соглашение о свободной торговле между ЕАЭС и СРВ было подписано в мае 2015 г., с Китаем подписано соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве в 2018 г. С Ираном подписано Временное соглашение по подготовке к сотрудничеству в формате ЗСТ в мае 2018 г. Ведутся переговоры о заключении соглашения по ЗСТ с Египтом, Израилем, Индией, Сербией и Сингапуром. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/

фактором развития не только стран-участниц, но и других стран Евразии [16. – С. 18].

Важной особенностью евразийского интеграционного процесса является преобладание России в общей экономике стран Союза. Объемы ВВП России в 2005 г. в 8 раз превышали совокупное значение ВВП Армении, Беларуси, Киргизии и Казахстана и примерно в столько же раз (7,8 раза) в 2018 г. Явный перевес российской экономики обуславливает моноцентричный характер интеграционных процессов в ЕАЭС и диспропорции на общем рынке [6. – С. 30]. Структурные и макроэкономические процессы в ЕАЭС в большей степени объясняются российским фактором.

Интеграционные процессы в ЕАЭС

Для обеспечения свободы движения товаров в ЕАЭС в 2018 г. был принят обновленный и существенно переработанный Таможенный кодекс¹ ЕАЭС и Единый таможенный тариф для всех стран-участниц, что позволило существенно сократить различия в национальных подходах регулирования данной сферы.

На начальном этапе становления ЕАЭС, который соответствовал периоду функционирования ТС и ЕЭП в 2010-2013 гг., переход к общему рынку обеспечил рост взаимной торговли. Снижение взаимного торгового оборота в период кризиса 2014-2016 гг. было заметно меньше, чем внешней торговли в целом [1. – С. 78].

Единый таможенный тариф позволяет обеспечить общий доступ на внутренние рынки для производителей стран-партнеров на основе конкуренции. Защите интересов потребителей и повышению уровня конкурентоспособности продукции, произведенной в странах ЕАЭС и реализуемой на общем рынке, способствуют принятые в ЕАЭС технические регламенты (в 2018 г. было принято 42 технических регламента).

На основе Договора о ЕАЭС формируется правовая база регулирования рынка услуг, которая включает в себя универсализацию порядка регулирования предоставления услуг в 43 секторах. Гармонизация национальных правил создает правовую базу функционирования рынков финансовых услуг, в то время как активная работа по созданию институциональной базы функционирования общего (единого) финансового рынка ЕАЭС, включающего в себя общий рынок в банковском, страховом секторах и рынок ценных бумаг, формирует условия для продвижения валютной интеграции. Утверждены дорожные карты по созданию единого пространства биржевой торговли, развитию современных инструментов цифровизации финансового сегмента экономик стран ЕАЭС, приняты Соглашение о создании и развитии единого рынка аудиторских услуг стран ЕАЭС, Соглашение по доступу к кредитным историям, что

¹ Таможенный кодекс ЕАЭС от 11 апреля 2017 г.

может существенно расширить кредитную базу стран ЕАЭС при взаимных обращениях к кредиторам из стран-партнеров.

Реализация дорожных карт по созданию общего регуляторного инструментария по различным видам транспорта создает предпосылки к функционированию в условиях общего рынка транспортных услуг в ЕАЭС (создание общего рынка транспортных услуг запланировано к 2025 г.). Цифровизация процедур таможенного оформления может увеличить эффективность использования железных дорог на 40% и снизить тарифы на 30% [10. – С. 6].

По мнению Г. И. Осадчей [14. – С. 132–133], либерализация условий перемещения трудовых ресурсов стран ЕАЭС существенно облегчает возможности трудоустройства в странах приема за счет разрешения использования гражданско-правовых договоров (ранее допускались только трудовые соглашения), взаимного признания дипломов профессионального образования во всех странах ЕАЭС, распространения национального законодательства на трудовых мигрантов по вопросам обеспечения социального, медицинского страхования и по условиям налогообложения. Либерализация рынка труда существенно повлияла на выравнивание уровня жизни населения стран ЕАЭС и создание равных условий конкуренции для рабочей силы.

В настоящее время ЕЭК прилагает немалые усилия по развитию трансграничной производственной кооперации на международном уровне путем создания общих макрорегуляторов системы управления интеграцией для получения эффектов взаимодополнения, синергии и ускорения реализации национальных программ развития через их координацию. По мнению О. В. Король [11. – С. 16–18], эффект взаимодополнения обусловлен специализацией производителей стран-участниц сначала на торговых площадках, а затем и при распределении доступа к ресурсам, технологиям, факторам производства. При этом его расширение происходит за счет образования и функционирования трансграничных технологических цепочек. Однако, по нашему мнению, получение эффектов синергии и ускорения реализации национальных программ развития может обеспечить лишь полноценный общий рынок по всем направлениям сотрудничества: свободный обмен товарами, услугами, капиталами и рабочей силой. Пока же при очевидных достижениях на пути трансграничного движения факторов производства сохраняется множество национальных барьеров, связанных со стремлением защитить национальных производителей, сохранить рабочие места и обеспечить доходную часть государственных бюджетов. Существующие ограничения и изъятия, ограничивающие свободы на общем рынке, также не способствуют формированию платформы ЕАЭС для расширения межрегионального сотрудничества в формате ЗСТ+ с третьими странами, что

снижает потенциал интеграционного блока при формировании и реализации концепции Большой Евразии [9. – С. 5–6].

Оценить эффекты институционального развития Евразийского интеграционного проекта возможно по темпам структурных изменений и их направленности за время его реализации.

Динамика ВВП и анализ его отраслевой структуры

Разновеликий характер экономической интеграции в ЕАЭС придает довольно ощутимое ускорение переноса интеграционных эффектов, что положительно влияет при наблюдаемом росте российского сегмента на наращивание возможностей торгового потенциала для стран-партнеров. Вместе с тем указанная специфическая черта евразийской интеграции способствует и быстрой передаче эффекта торможения (заражения кризисами), который обеспечивает синхронность циклов экономического роста и спада в ЕАЭС [4. – С. 17].

Преобладание Российской Федерации в экономической интеграции в ЕАЭС обуславливает как увеличение интеграционных эффектов при росте российской экономики (в 2010–2013 гг.), так и их уменьшение при ее спаде (в 2014–2016 гг.), что обеспечивает синхронность экономической динамики в ЕАЭС (рис. 1).

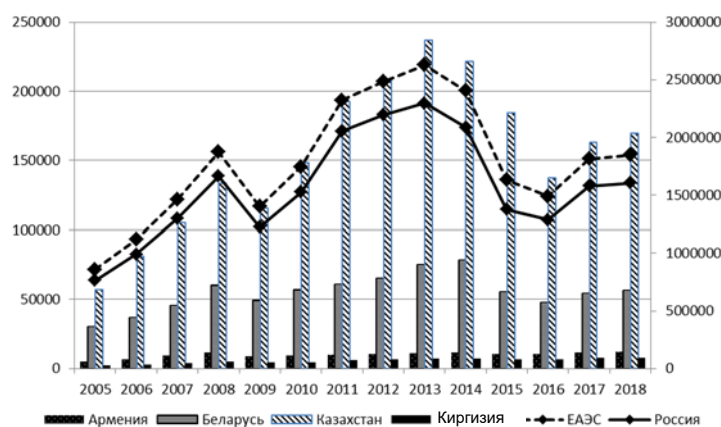

Рис. 1. ВВП стран ЕАЭС¹ (в текущих ценах, млн долл.)

Примечание: данные 2018 г. по итогу шести месяцев (январь – июнь), ось слева – ВВП Армении, Беларуси, Казахстана и Киргизии, ось справа – ВВП России и ЕАЭС в целом по всем странам

Другой значимый фактор, влияющий на оценку объема валового продукта и взаимной торговли в иностранной валюте, – волатильность

¹ Источник: URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/national.aspx

курса российского рубля. Курсовые колебания на российском валютном рынке в 2014–2015 гг. оказывали сильное влияние на динамику курсов национальных валют всех государств – членов ЕАЭС. Резкий спад курса российского рубля (двукратное обесценивание) позволил российским экспортерам получить значительные выгоды в ценовой конкуренции на рынках стран – партнеров по ЕАЭС, что оказало существенное влияние на уровень национального производства в них.

В этой связи целесообразно рассмотреть влияние колебания курса российского рубля на динамику ВВП стран – партнеров по ЕАЭС посредством пересчета показателей национальных ВВП в российские рубли¹. Такой пересчет позволит оценить влияние волатильности российского рубля на масштабы торговли и эффекты заражения в условиях общего рынка (рис. 2).

Как мы видим, на графиках четко прослеживаются большие колебания объемов ВВП в странах – партнерах. В рублевой оценке в 2010–2018 гг. колебания объемов ВВП усилились как по глубине (амплитуде), так и по периоду цикла (время одного цикла сократилось до 1,5–2 лет), в то время как динамика ВВП в национальной валюте имела более сглаженный характер и больший период. Это объясняется тем, что курсовые изменения национальных валют происходили не синхронно и с разной амплитудой.

Характер колебаний ВВП в странах – партнерах России по ЕАЭС в пересчете на рубли зависит от степени торговой связанности стран с Российской Федерацией и трудовых миграций. При этом существенное значение имеют и объемы национального экспорта в Россию. Так, тренды ВВП Армении и Киргизии в целом совпадают, но существенно отличаются глубиной колебаний, несмотря на то, что обе страны являются нетто-экспортерами трудовых ресурсов на российский рынок.

Сравнительный анализ темпов роста ВВП по текущим ценам в национальной валюте и в пересчете на российские рубли позволил выявить следующие тренды.

В Армении рост ВВП в пересчете на российские рубли достиг своего наивысшего значения в 2014 г., когда курс российского рубля был на максимуме (напомним, что падение курса рубля по отношению к доллару началось во второй половине 2014 г., поэтому негативные эффекты стали проявляться по итогам 2015 г.). Это обусловило высокий уровень роста

¹ Пересчет в валюту одной из стран (лидирующих) интеграционной группы целесообразно проводить с точки зрения анализа перспектив дедолларизации взаимной торговли в ней, хотя обычно ВВП представляют в национальной валюте или в пересчете на доллары (практика ЕЭК). В целях обеспечения корректности расчетов в данном исследовании использованы официальные курсы валют стран ЕАЭС по отношению к российскому рублю Центрального банка РФ. Сравнительный анализ осуществлен на основе показателей цепного темпа роста ВВП.

потребления на внутреннем рынке Армении на фоне растущих доходов мигрантов (разница в темпах роста ВВП в национальной валюте в пересчете на российские рубли в 2014 г. составила 43,7%). В последующие периоды положительный эффект влияния стоимости российской валюты на ВВП республики снижался в соответствии с падением покупательной способности рубля, обусловившим снижение платежеспособности населения в Армении, и достиг отрицательного значения в 2017 г. (на 10,3%) из-за роста накладных расходов на экспорт продукции национальных производителей на российский рынок и потери ценовой конкурентоспособности при заниженном курсе российского рубля. В 2018 г. за счет стабилизации российского рубля и его незначительного роста в республике вновь стали расти доходы мигрантов.

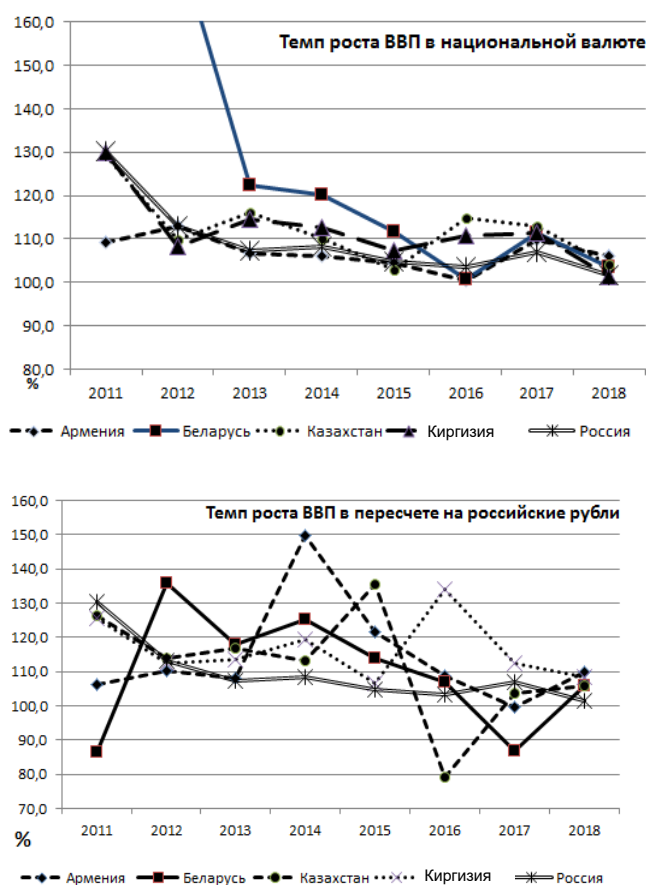

Рис. 2. Темп роста ВВП стран ЕАЭС¹ (в текущих ценах)

¹ Источник: URL: https://www.cbr.ru/currency_base/dynamics/?UniDbQuery.Posted; URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/national.aspx

В Киргизии наблюдалось аналогичное влияние изменений курса российского рубля на ВВП. Определяющим фактором является покупательная способность перечисляемых в республику доходов мигрантов из России. В 2014 г. наблюдался опережающий рост ВВП в пересчете на рубли (6,5%), но максимум положительного эффекта влияния падения курса российского рубля на ВВП был достигнут в 2016 г. (23,4%) за счет наложения нескольких факторов: рост покупательной способности доходов мигрантов стимулировал потребление внутри страны; стабилизация цен на внутреннем рынке после инфляционного всплеска в 2015 г. на фоне роста внутренних цен после вступления в ЕАЭС; рост экспорта в Российской Федерации и странах ЕАЭС, накладные расходы по экспорту для Киргизии намного ниже, чем в Армении.

В Казахстане падение курса российского рубля обусловило рост ВВП в пересчете на рубли по сравнению с ростом ВВП в национальной валюте на 32,5% в 2015 г. и падение на 35,6% в 2016 г. При этом стоит отметить, что именно в 2015 г. в Казахстане был осуществлен переход к плавающему курсу тенге. Это позволило выровнять условия ценовой конкуренции продукции национальных производителей на общем рынке, а также имело существенное значение для взаимной торговли. В 2016 г. эффект девальвации был исчерпан, и на фоне низкого курса российского рубля казахстанские производители уступили в ценовой конкуренции.

Для Беларуси курсовые колебания российского рубля имеют особое значение ввиду наибольшей торговой связанности с Россией, в частности, и с ЕАЭС в целом. В связи с большой чувствительностью белорусской экономики с целью предотвращения потерь от проигрыша в ценовой конкуренции с российской продукцией не только на российском рынке, но и на внутреннем национальном рынке в республике в 2016 г. была проведена деноминация национальной валюты (в пропорции 1:10 000 белорусских рублей).

Наиболее схожие по движению графики роста национальных ВВП дает их представление в постоянных ценах в национальных валютах. Восстановительный тренд после кризисных спадов четче прослеживается по значениям показателя цепного темпа роста ВВП (рис. 3).

Скорость восстановления определяется глубиной спада, что прослеживается по всем странам ЕАЭС. Так, в 2017 г. страны ЕАЭС по темпам роста ВВП разделились на две группы: страны с опережающими темпами прироста по сравнению с мировыми (Армения – 7,5%, Казахстан – 4,6% и Киргизия – 4%) и страны с низким уровнем темпов прироста (Беларусь – 2,4% и Россия – 1,5%).

За 2018 г. картина темпов прироста ВВП несколько изменилась: темпы роста в Армении составили 6,2%, Беларуси – 3,7%, Казахстане – 4,1%, России – 1,6%, Киргизии – 1,2%. За период анализа ВВП (номинал) на душу населения по ЕАЭС вырос в 2 раза: с 4 862 долларов в 2005 г. до

9 884 долларов в 2017 г. По объемам подушевого ВВП Россия лидирует в течение всего периода исследования, опережая общесоюзное значение, но по темпам роста лидерами являются Казахстан и Киргизия, у которых ВВП на душу населения в 2005–2017 гг. вырос в три раза. При этом максимальные значения ВВП на душу населения у большинства стран ЕАЭС в целом были достигнуты в 2013 г. (рис. 4).

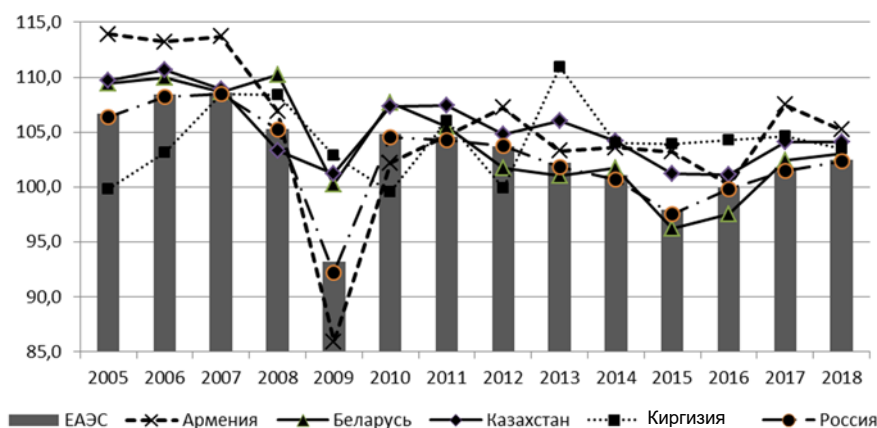

Рис. 3. Индексы физического объема ВВП¹ (в постоянных ценах, %)

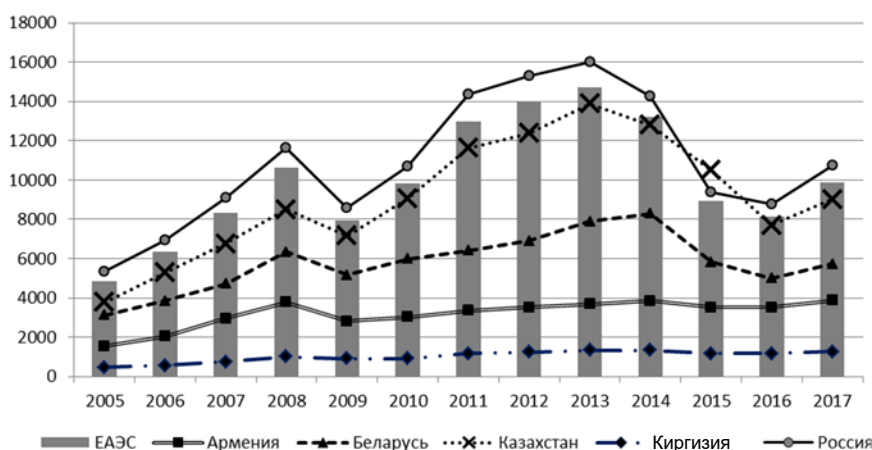

Рис. 4. ВВП на душу населения (в долл. по номиналу)

Наибольший спад значений ВВП на душу населения в кризисный период пришелся на Россию, Казахстан и Беларусь [8. – С. 23], которым в 2017–2018 г. так и не удалось достичь докризисных значений. ВВП на душу населения Армении и Киргизии практически не реагировал на

¹ Источник рис. 3–4: URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/national.aspx

ухудшение экономической конъюнктуры, что обусловлено структурой экономик этих стран (страны – импортеры топливно-энергетических ресурсов от снижения цен на мировых рынках находятся в выигрыше).

Отраслевая структура ВВП ЕАЭС в период 2010–2018 гг. изменилась незначительно. Немного выросла доля аграрного сектора, добывающей промышленности, транспорта и финансовой деятельности, снизилась доля обрабатывающей промышленности, строительства, сократились поступления чистых налогов, что свидетельствует о несущественных сдвигах в отраслевой структуре экономики Союза в направлении наращивания выпуска более технологичных отраслей. В восстановительный период 2017–2018 гг. основными драйверами экономического роста стран ЕАЭС стали промышленность, сельское хозяйство и торговля, частично – строительство. Рост промышленного производства в 2017 г. наблюдался во всех странах ЕАЭС, при этом преодолеть кризисный спад удалось Армении (рост 112,6%) и Киргизии (рост 111,5%), в Беларуси и Казахстане рост промышленности был ниже – 106,1 и 107,1% соответственно, и значительно ниже в России – 101%. Рост производства продукции сельского хозяйства в большей степени наблюдался в Беларуси – на 4,1%, Казахстане – 2,9%, в Киргизии – 2,2%, в России – 2,4%. В Армении наибольшими темпами роста развивалась строительная отрасль и грузоперевозки – 37,7 и 36,9% соответственно.

В 2018 г. (январь – сентябрь) темпы роста в промышленном секторе снизились до 103,3% (в Армении прирост составил 4%, в Беларуси – 4,1%, в Казахстане – 4,8%, в России – 3%). В целом в странах – членах ЕАЭС наблюдался спад производства сельскохозяйственной продукции (на 2,4%), кроме Казахстана и Киргизии (по 2% прироста). Драйвером роста ВВП Армении и Киргизии в 2018 г. стала строительная отрасль (119,2 и 7% соответственно), Беларуси и Казахстана – розничная торговля (9 и 7% соответственно). По грузоперевозкам лидирует Армения с темпом прироста 7,8% (что на 40% меньше чем в 2017 г.).

Анализ структуры ВВП по потреблению дает возможность оценить источники финансирования экономического роста. Во всех странах ЕАЭС основным источником роста потребления является спрос домохозяйств, доля которого составляет 50–80% от всего потребления в национальной экономике. Минимальное значение доли потребления домохозяйств в 2017 г. в Казахстане составило 48%, максимальное в Киргизии – 95%. Потребление в ВВП распределяется по следующим критериям: пропорции потребления между населением и государством, экспортоориентированность, доля накопления основного капитала. Сравнение соотношения расходов между населением и государством позволяет выделить две группы стран.

Первая группа – Армения и Киргизия – страны с явным преобладанием доли расходов населения в качестве основного источника экономического роста по сравнению со всеми другими видами потребления ВВП (более 80% от всего ВВП). То есть для этих стран характерна ситуация, обусловившая абсолютную зависимость всей экономики от уровня расходов населения (внутреннего спроса, определяемого уровнем доходов мигрантов). В этих государствах функционирование общего рынка труда ЕАЭС является определяющим, поскольку основным экспортным потенциалом для них выступают трудовые ресурсы, ориентированные прежде всего на доступность и условия функционирования рынков труда. При этом экспортный потенциал (доля чистого экспорта) сохраняет отрицательные значения на протяжении всего периода исследования.

Ко второй группе относятся Беларусь, Казахстан – страны с общепринятыми пропорциями потребления ВВП: до 50% – потребление населения, 10–13% – потребление государства, 17–22% – накопление капитала. Безусловно, структура потребления ВВП России и Казахстана выглядит наиболее предпочтительной, так как только в этих странах на протяжении всего периода исследования наблюдается положительное сальдо внешнеторговой деятельности (6–10% – в России и 13–15% – в Казахстане), что обеспечивает устойчивый рост национальной экономики. В Беларуси высок уровень накопления капитала – до 30%, что в совокупности с отрицательными значениями чистого экспорта создает угрозу инвестиционного перегрева экономики.

Таким образом, анализ ВВП стран ЕАЭС отражает консервативную промышленную политику, ориентированную на сохранение традиционной структуры производства и потребления. В силу низкой концентрации кооперационных связей в промышленном и сельскохозяйственном производстве эффекты интеграции в большей степени передаются через взаимную торговлю. За исследуемый период не удалось сформировать условий, способствующих изменению отраслевой структуры валового продукта стран – участниц ЕАЭС, из-за низкого уровня комплементарности торговых и производственных связей, что свидетельствует об инерционном типе развития национальных экономик, не чувствительных к использованию интеграционного потенциала.

Этот вывод подтверждает динамика структуры взаимной торговли. В кризисный период 2013–2016 гг. товарная структура взаимной торговли демонстрировала рост доли продукции с большей глубиной переработки: в 2013 г. на долю промежуточных товаров приходилось 66,5% всей взаимной торговли (в том числе энергетических товаров – 28,7%), на торговлю инвестиционными товарами – 10,1%, потребительскими товарами – 22,1%. В 2017 г. показатели по удельному весу взаимной торговли промежуточными товарами снизились на 3,8% и составили 62,7%, энергетическими товарами – 23,5%, инвестиционными товарами – чуть меньше

1% (на 0,9%), доля потребительских товаров выросла на 3,2%. При этом сохраняется устойчивая зависимость взаимной торговли от колебания цен на топливно-энергетические товары [3. – С. 17] с четко выраженными трендами: увеличение доли неэнергетических товаров в период кризиса под влиянием двух факторов – падения цен на энергоресурсы и роста объемов потребительских товаров, и наоборот, сокращение этой доли в период восстановительного роста. Данные выводы в полной мере коррелируют с мнением В. Л. Абрамова [2. – С. 70–73]. Так, в 2013 г. по сравнению с 2012 г. сокращение темпов роста инвестиционных товаров составило 17,1%, энергетических товаров – 7,8%. При этом прирост потребительских товаров составил 11,2%. В 2017 г. по сравнению с 2016 г. наблюдалась обратная картина: торговля инвестиционными товарами выросла на 37,3%, промежуточными – на 30%, потребительскими – лишь на 23,4%. При этом товарная структура изменилась, существенно снизив долю энергетической продукции: в 2012 г. 37,5% приходилось на минеральное сырье и продукты, 21% – на машины и оборудование, в 2017 г. – 27,5 и 18,6% соответственно.

Динамика взаимных инвестиций и их структура

Фактором усиления интеграционного эффекта на уровне производственной кооперации являются взаимные инвестиции, как в производственную, так и в инфраструктурную сферы [5. – С. 62].

Изменения объема прямых и взаимных прямых инвестиций в страны ЕАЭС (рис. 5) незначительны и характеризуются снижением, что не дает основания прогнозировать прорыв кооперационного взаимодействия между странами ЕАЭС. Доля взаимных инвестиций всех участников интеграционного проекта в общем объеме прямых инвестиций за период исследования в целом невелика – от 0,2 до 15%. Однако динамика их роста в условиях турбулентности и кризисного спада 2014–2015 гг. показывает очень высокие темпы роста в целом по ЕАЭС: в 14 раз – в 2015 г., в 7,8 раз – в 2017 г. и в 7,2 раз – в 2018 (по данным за 9 месяцев) по сравнению с 2010 г.

Тренд инвестиционной активности в ЕАЭС совпадает с характером изменений макроэкономических показателей, исследованных ранее.

В страновом разрезе Россия является донором партнеров по ЕАЭС с устойчивым трендом роста взаимных прямых инвестиций при уменьшении общего потока ПИИ в страны ЕАЭС в период кризисных спадов. Так, по итогам 2017 г. объем прямых инвестиций в целом по ЕАЭС составил 34,6 млрд долларов (сокращение по сравнению с 2016 г. – 33%), а взаимных прямых инвестиций стран Союза – 1,1 млрд долларов (сокращение – на 22%). Более низкий темп снижения взаимных прямых инвестиций обусловлен долгосрочными контрактами и меньшим уровнем рисков для инвесторов в Союзе, что позволяет участникам использовать пусть даже

не самый высокий инвестиционный потенциал в качестве компенсатора потерь объемов внешних инвестиций. Объем накопленных взаимных ПИ за период функционирования Союза на конец 2017 г. составил 23 млрд долларов (рост – 7,5%).

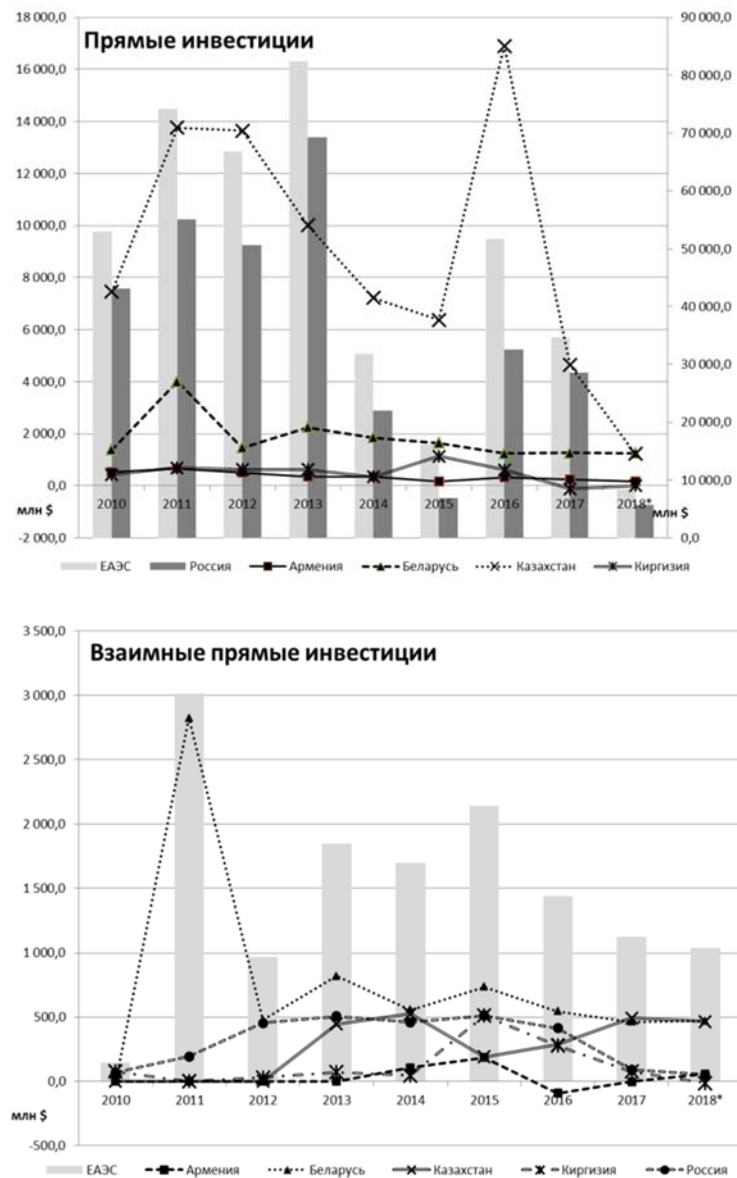

Рис. 5. ПИИ и взаимные инвестиции в странах ЕАЭС¹

Примечание: данные 2018 г. по итогу за январь – сентябрь

¹ URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/time_series/Pages/balance.aspx

При этом основным нетто-получателем инвестиций является Беларусь – 47,9% всех накопленных взаимных инвестиций (1 1026 млн долл.), на долю Казахстана приходится 20,8% (4 794 млн долл.), России – 23,8% (5 479 млн долл.). Суммарно накопленные взаимные инвестиции в общем объеме прямых инвестиций составили 3,2% по итогу 2017 г.

Среднегодовой приток прямых инвестиций в процентном соотношении повторяет тренд показателей ВВП (рис. 6).

Рис. 6. Структура притока ПИИ по странам ЕАЭС¹

Примечание: данные 2018 г. по итогу за январь – сентябрь

Удельный вес среднегодового притока ПИИ России сохраняет лидерство на протяжении всего периода исследования (более 70% от валового притока ПИИ ЕАЭС). Около 20% совокупного среднегодового притока ПИИ ЕАЭС приходится на Казахстан, 4% – на Беларусь и по 1% – на Киргизию и Армению. Подобное распределение притока ПИИ в страны ЕАЭС, безусловно, обусловлено масштабами национальных экономик и темпами проектных инвестиций в наиболее высокодоходных от-

¹ URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/statistical_publications/Documents/finstat_5/finstat_5_2016f.pdf

раслях (энергетический комплекс, металлургия, инфраструктура, транспорт, связь и ИТ), которые и сосредоточены в большей части в России и Казахстане.

Структура распределения взаимных ПИ по странам ЕАЭС существенно отличается от структуры ПИ из стран, не входящих в Союз. Основной страной-реципиентом по притоку взаимных инвестиций внутри Союза на протяжении всего периода исследования оставалась Беларусь, что обусловлено большей степенью связанности ее экономики с Россией. Около 70% всех взаимных инвестиций из ЕАЭС в Беларусь приходится на топливно-энергетический комплекс (преимущественно российские), 10% – финансовый сектор (российско-казахстанские инвестиции), 8% – ИТ-технологии и связь, 5,5% – торговлю и 2% – химическую промышленность. Пик инвестиций со стороны России в Беларусь приходился на период до 2016 г., в 2016–2018 гг. инвестиции в основном были связаны со строительством БелАЭС.

Казахстан стал лидером по притоку взаимных инвестиций в 2017–2018 гг. (чуть более 500 млн долл.), а главным инвестиционным донором выступала Россия. Основными отраслями, привлекающими российских инвесторов, были топливно-энергетический сектор (в основном разработка и добыча энергоресурсов) – 48%, цветная металлургия (добыча и обогащение урана, разработка золоторудных месторождений) – 23,5%, связь и ИТ – 10,5%, торговля – 5% и химическая промышленность (производство удобрений) – 3%.

Армения является страной – получателем российских инвестиций, направленных в топливно-электроэнергетический сектор (43,5%), 20% – в цветную металлургию, 12% – в связь и ИТ, 10% – в транспорт, 10% – в финансовый сектор. Прямые российские вложения в Армению идут по двум основным каналам: через российские госкомпании в крупные проекты инфраструктурного развития республики и через компании диаспоры в различные сектора экономики с высокой отдачей капитала¹.

Инвестиции в Киргизию из стран ЕАЭС традиционно представлены потоками из России (до 90%) и Казахстана (8%) и концентрируются в следующих отраслях: 26% – связь и ИТ, 21% – инфраструктурные сети, 18% – цветная металлургия, 12% – финансовый сектор (российско-казахстанские инвестиции), 8% – топливный комплекс, 8,6% – строительство. Относительно равномерное распределение инвестиций обусловлено низкой рентабельностью традиционных отраслей ТЭК и горнорудной добычи, малыми масштабами экономики республики.

Наибольшую степень диверсифицированности взаимных инвестиций из стран-партнеров по отраслям экономики имеет Россия, несмотря на то что их приток составляет менее 20% от российских инвестиций в

¹ Диаспоральные инвестиции – это инвестиции частных агентов рынка, являющихся выходцами из страны (чаще всего стимулируются через диаспоральные связи).

страны Союза. Инвестиционная привлекательность российской экономики существенно превышает инвестиционный потенциал всех партнеров по интеграционному блоку, что обуславливает прирост ежегодных инвестиций при хроническом дефиците собственных инвестиционных ресурсов. Наиболее привлекательными для прямых инвестиций из стран ЕАЭС в Россию являются следующие отрасли: химическая промышленность – 35%, агросектор – 16%, туризм и транспорт – по 14%, топливный сектор – 12% и торговля – около 5%. Основными донорами в российскую экономику выступают Казахстан и Беларусь.

В целом инвестиционное взаимодействие стран ЕАЭС не оказывает существенного влияния на качественное изменение отраслевой структуры национальных экономических систем. При этом сохраняется традиционная сырьевая структура направленности взаимных инвестиций, отражающая внешний спрос на первичные ресурсы. Стремление к минимизации экономических и политических рисков в инвестиционной политике стран ЕАЭС объясняет небольшую долю взаимных инвестиций в общем объеме ПИИ стран-участниц и свидетельствует о низком уровне интеграционных связей.

Выводы

Исследование структурных сдвигов основных макроэкономических факторов, характеризующих эффекты влияния евразийской интеграции на экономику стран-участниц, показывает наличие эффектов влияния торговой связанности при устойчивом тренде инерционного сценария развития интеграционных связей в сфере инвестиционного сотрудничества (общий рынок капиталов) и регулирования общего рынка труда с сохранением устоявшихся направлений миграционных потоков (Россия – основная страна приема мигрантов). Это позволяет констатировать факт стагнирования евразийской интеграции на уровне сотрудничества в рамках общего рынка товаров и услуг с сохранением традиционной товарной и географической структуры взаимной торговли.

Наличие емкого рынка ЕАЭС (6-е место в мире) позволяет прогнозировать высокие темпы роста взаимной торговли, потенциал которого может быть реализован при условии наращивания объемов торговли высокотехнологичной продукцией и сокращения сырьевых продуктов. Достижение данной цели возможно за счет активного внедрения стратегий промышленной кооперации и расширения рынков сбыта посредством роста евразийского интеграционного потенциала в формате сотрудничества с третьими странами в рамках зон свободной торговли.

Современный уровень евразийской интеграции обеспечил рост конкурентных преимуществ стран-участниц с точки зрения повышения рейтинга их суверенных позиций при экономическом взаимодействии с крупными региональными игроками, что повысило шансы получения

более благоприятных условий включения в китайские инфраструктурные проекты, а также выхода на европейские рынки. Единое таможенное пространство, регулируемое наднациональными правовыми актами (Единый таможенный кодекс, технические регламенты и т. п.), позволит совместно странам – членам ЕАЭС повысить качество таможенного контроля при транзите товаров через территорию Союза, а также свой статус и соответственно условия при участии в международных инвестиционных и инфраструктурных проектах.

Инерционный характер интеграции в ЕАЭС обусловлен рядом факторов, которые усиливают риски негативного влияния интеграции на страны-участники. Можно выделить следующие основные группы рисков:

1. Макроэкономические риски. Значительный разрыв в уровне развития национальных экономик стран, образующих ЕАЭС, включая различные модели экономик (Россия, Казахстан – рыночные системы, обеспеченные ресурсами и сырьевыми экспортными поставками, Киргизия и Армения – малые либеральные рыночные экономики с дефицитом ресурсов и с избытком трудовых ресурсов, Беларусь – квазирыночная система с высоким уровнем концентрации государственного регулирования с диверсифицированной структурой экономики, ориентированной на экспорт, но основанной на импортном сырье и комплектующих), обуславливает противоречия в целях и стратегиях развития интеграции.

Явно выраженный дисбаланс в торговле и взаимных инвестициях, в миграционных потоках, с одной стороны, создают стимулы для специализации и кооперации. С другой стороны, преобладание национальных интересов над интересами Союза приводит к принятию неполноценных стратегий (концепции общего рынка электроэнергии, выработка скорректированной, а не единой промышленной и агропромышленной политики, сохранение большого количества изъятий по тарифам во взаимной торговле и т. п.) развития интеграционных процессов, что в итоге и формирует инерционный сценарий развития евразийской интеграции.

Низкий уровень включенности в производственные технологические цепочки, обмена высокотехнологичной продукцией во взаимной торговле, ограниченность взаимных инвестиций не способствуют решению задач ускоренной модернизации и технологического прорыва, что требует разработки концепции единого пакета программ технологического развития всех стран ЕАЭС. Однако это невозможно при отсутствии единой промышленной политики.

Низкий уровень интеграции финансового рынка также является существенным барьером в ускоренном развитии интеграции.

2. Сложность преодоления макроэкономических рисков обусловлена невысокой эффективностью институциональной системы ЕАЭС. Ограниченность прав и полномочий Евразийской комиссии определяет

длительность и сложность процесса принятия решений, дисбаланс распределения функций контроля и принуждения исполнения решений. Отсутствие санкционных инструментов при неисполнении решений Комиссии не позволяет комплексно и системно решать управленческие задачи, что и приводит к наложению макроэкономических рисков.

3. Низкий уровень признания ЕАЭС в качестве экономического субъекта мирового рынка как внутри интеграционного блока его населением, бизнесом, государственными структурами, так и внешними игроками (региональными блоками, международными структурами и государствами), приводит к снижению интеграционных эффектов.

4. Внешние риски функционирования и развития ЕАЭС (противоречивые тренды регионализации и глобализации, противостояние региональных центров (США, Китай, ЕС), переход от рыночной конкуренции к мерам санкционных ограничений, перенаправление торговых потоков с запада на восток и т. п.) также не способствуют развитию евразийской интеграции.

Преодоление указанных рисков может позволить ЕАЭС нарастить уровень национальной конкурентоспособности за счет увеличения объемов взаимной торговли и инвестиций, повышения транзитного потенциала территории ЕАЭС и развития транспортно-логистической инфраструктуры при условии перехода к общей промышленной политике и формирования стратегий роста технологичности промышленного сектора стран-участниц.

Список литературы

1. *Абрамов В. Л.* Интеграционные эффекты взаимной и внешней торговли государств – членов Евразийского экономического союза: состояние и факторы роста // Евразийский союз: вопросы международных отношений. – 2018. – № 3 (25). – С. 64–73.
2. *Абрамов В. Л.* Эффекты взаимной и внешней торговли государств – членов Евразийского экономического союза: факторы сдерживания и роста // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. – Серия «Экономика и право». – 2018. – № 7. – С. 77–81.
3. *Алпысбаева С. Н., Шунеев Ш. Ж.* Моделирование долгосрочных макроэкономических эффектов интеграции Казахстана в ЕАЭС // Торговая политика. – 2018. – № 1 (13). – С. 11–22.
4. *Андропова И. В.* Евразийский экономический союз: потенциал и ограничения для регионального и глобального лидерства // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2016. – Т. 11. – № 2. – С. 7–23.

5. Асансеитова С. М., Ковалева Э. В., Свинухов В. Г. Оценка влияния экспорта и прямых иностранных инвестиций на ВВП на примере стран – членов ЕАЭС // Вестник НГИЭИ. – 2018. – № 9 (88). – С. 60–70.
6. Буторина О. В. Особенности евразийской модели экономической интеграции // Современная Европа. – 2016. – № 2 (68). – С. 28–32.
7. Головнин М. Ю., Захаров А. В., Ушкалова Д. И. Экономическая интеграция: уроки для постсоветского пространства // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – Т. 60. – № 4. – С. 61–69.
8. Господарик Е. Г., Ковалев М. М. ЕАЭС-2050: глобальные тренды и евразийская экономическая политика : монография. – Минск : Издательский центр БГУ, 2015.
9. Дынкин А. А., Телегина Е. А., Халова Г. О. Роль Евразийского экономического союза в формировании Большой Евразии // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62. – № 4. – С. 5–24
10. Жунусов А. О. Драйверы развития инфраструктуры: цифровая повестка // Инновации транспорта. – 2018. – № 1 (31). – С. 4–7.
11. Король О. В. Синергетические финансово-экономические эффекты интеграции в ЕАЭС как главный фактор эффективности функционирования всего союза // Экономика и банки. – 2017. – № 2. – С. 16–21.
12. Лисоволик Я. Д. Геоэкономика и наследие евразийцев // Россия в глобальной политике. – 2016. – Т. 14. – № 6. – С. 61–68.
13. Ожигина В. В. Тенденции и перспективы, вызовы и возможности развития Евразийского экономического союза (ЕАЭС) // Гуманитарные проблемы военного дела. – 2018. – № 2 (15). – С. 66–71.
14. Осадчая Г. И. (2016) Единый рынок трудовых ресурсов ЕАЭС: первые итоги формирования // Социальная политика и социология. – 2016. – Т. 15. – № 3 (116). – С. 132–139.
15. Основные направления экономического развития ЕАЭС до 2030 года : Решение Высшего Евразийского экономического совета от 16.10.2015, № 28. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/seminar/Documents/ (дата обращения: 16.02.2019).
16. Показатели достижения целей в области устойчивого развития в регионе Евразийского экономического союза : доклад ЕЭК. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_razv_integr/Documents/ (дата обращения 15.01.2019)

References

1. Abramov V. L. Integratsionnye efekty vzaimnoy i vneshney torgovli gosudarstv – chlenov Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza: sostoyanie i faktory rosta [Integration Effects of Mutual and Foreign Trade of the Member States of the Eurasian Economic Union: State and Growth Factors], *Evraziyskiy*

soyuz: voprosy mezhdunarodnyh otnosheniy [Eurasian Union: Issues of International Relations], 2018, No. 3 (25), pp. 64–73. (In Russ.).

2. Abramov V. L. Effekty vzaimnoy i vneshney trgovli gosudarstv – chlenov Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza: faktory sderzhivaniya i rosta [Effects of Mutual and Foreign Trade of the Member States of the Eurasian Economic Union: Factors of Restraint and Growth], *Sovremennaya nauka: aktualnye problemy teorii i praktiki. Seriya «Ekonomika i pravo»* [Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series «Economics and Law», 2018, No. 7, pp. 77–81. (In Russ.).

3. Alpysbaeva S. N., Shuneev Sh. Zh. Modelirovanie dolgosrochnykh makroekonomicheskikh effektiv integratsii Kazakhstana v EAES [Modeling the Long-Term Macroeconomic Effects of Kazakhstan's Integration into the EAEU], *Torgovaya politika* [Trade Policy], 2018, No. 1 (13), pp. 11–22. (In Russ.).

4. Andronova I. V. Evraziyskiy ekonomicheskiy soyuz: potentsial i ogranicheniya dlya regionalnogo i globalnogo liderstva [Eurasian Economic Union: Potential and Limitations for Regional and Global Leadership], *Vestnik mezhdunarodnyh organizatsiy: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika* [Vestnik of International Organizations: Education, Science, New Economy], 2016, Vol. 11. – No. 2, pp. 7–23. (In Russ.).

5. Asanseitova S. M., Kovaleva E. V., Svinuhov V. G. Otsenka vliyaniya eksporta i pryamykh inostrannykh investitsiy na VVP na primere stran – chlenov EAES [Estimation of the Impact of Exports and Foreign Direct Investment on GDP by the Example of EAEU Member Countries], *Vestnik NGIEI*, 2018, No. 9 (88), pp. 60–70. (In Russ.).

6. Butorina O. V. Osobennosti evraziyskoy modeli ekonomicheskoy integratsii [Features of the Eurasian Model of Economic Integration], *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe], 2016, No. 2 (68), pp. 28–32. (In Russ.).

7. Golovnin M. Yu., Zaharov A. V., Ushkalova D. I. Ekonomicheskaya integratsiya: uroki dlya postsovetskogo prostranstva [Economic Integration: Lessons for the Post-Soviet Space], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2016, Vol. 60, No. 4, pp. 61–69. (In Russ.).

8. Gospodarik E. G., Kovalev M. M. EAES-2050: globalnye trendy i evraziyskaya ekonomicheskaya politika [EAEU-2050: Global Trends and Eurasian Economic Policy], monografiya. Minsk, Izdatelskiy tsentr BGU, 2015. (In Russ.).

9. Dynkin A. A., Telegina E. A., Halova G. O. Rol Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza v formirovanii Bolshoy Evrazii [The Role of the Eurasian Economic Union in the Formation of Greater Eurasia], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2018, Vol. 62, No. 4, pp. 5–24. (In Russ.).

10. Zhunusov A. O. Drayvery razvitiya infrastruktury: tsifrovaya povestka [Infrastructure Development Drivers: Digital Agenda], *Innovatsii transporta* [Innovations of Transport], 2018, No. 1 (31), pp. 4–7. (In Russ.).
11. Korol O. V. Sinergeticheskie finansovo-ekonomicheskie efekty integratsii v EAES kak glavnyy faktor effektivnosti funktsionirovaniya vsego soyuza [Synergistic Financial and Economic Effects of Integration into the EAEU as the Main Factor in the Effectiveness of the Functioning of the Entire Union], *Ekonomika i banki* [Economy and Banks], 2017, No. 2, pp. 16–21. (In Russ.).
12. Lisovolik Ya. D. Geoekonomika i nasledie evraziytsev [Goeconomics and Heritage of Eurasians], *Rossiia v globalnoy politike* [Russia in Global Politics], 2016, Vol. 14, No. 6, pp. 61–68. (In Russ.).
13. Ozhigina V. V. Tendentsii i perspektivy, vyzovy i vozmozhnosti razvitiya Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza (EAES) [Tendencies and Prospects, Challenges and Opportunities for the Development of the Eurasian Economic Union (EAEU)], *Gumanitarnye problemy voennogo dela* [Humanitarian Problems of Military Affairs], 2018, No. 2 (15), pp. 66–71. (In Russ.).
14. Osadchaya G. I. Edinyy rynek trudovykh resursov EAES: pervye itogi formirovaniya [EEU Single Labor Market: First Results of the Formation], *Sotsialnaya politika i sotsiologiya* [Social Policy and Sociology], 2016, Vol. 15, No. 3 (116), pp. 132–139. (In Russ.).
15. Osnovnye napravleniya ekonomicheskogo razvitiya EAES do 2030 goda [Indicators of Achieving Sustainable Development Goals in the Region of the Eurasian Economic Union]. Reshenie Vysshego evraziyskogo ekonomicheskogo soveta ot 16.10.2015 № 28. (In Russ.). Available at: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/seminar/Documents/ (accessed 16.02.2019).
16. Pokazateli dostizheniya tseley v oblasti ustoychivogo razvitiya v regione evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza [Indicators of Achieving sustainable development goals in the region of the Eurasian Economic Union]: doklad EEK. (In Russ.). Available at: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_razv_integr/Documents (accessed 15.01.2019).

Сведения об авторе

Азгануш Ашотовна Мигранян
 доктор экономических наук, профессор,
 ведущий научный сотрудник Центра
 постсоветских исследований Института
 экономики Российской академии наук.
 Адрес: Институт экономики Российской
 академии наук, 117218, Москва,
 Нахимовский проспект, д. 32.
 E-mail: A.mihryan20@gmail.com

Information about the author

Azganush A. Migranyan
 Doctor of Economics, Professor, Leading
 Researcher of Center for Post-Soviet
 Researches of the Institute of Economics
 of Russian Academy of Sciences.
 Address: The Institute of Economics
 of Russian Academy of Sciences, 32,
 Nakhimovskiy Avenue, Moscow, 117218,
 Russian Federation.